

Введение

О "СТАРОЙ" ТЕМЕ И ЕЕ НОВОМ СОДЕРЖАНИИ

Взявший в руки эту книгу, конечно же, прежде всего задался вопросом о том, возможно ли сегодня сказать еще что-либо новое о Гегеле и если да, то насколько адекватным тому, что писал и о чем размышлял сам Гегель, окажется это новое. Ведь не секрет, что подчас за новизну выдают некую экстравагантность мысли, то, что выбивается из общего, порой кажущегося даже нудным и скучным, течения научной мысли.

Мы приглашаем читателя к размышлению над старой и вечной темой гегелеведения - над реальным смыслом и содержанием гегелевской философской системы. К размышлению над постановкой и решением новых задач, над открытием новых проблемных измерений уже, казалось бы, досконально изученной темы. И тогда сама старая тема, возможно, предстанет в новом сиянии проблем и идей, которые еще только предстоит осмыслить и постичь. И как знать, может быть, мы сумеем, хотя бы отчасти, прояснить вопрос о замысле гегелевской системы, что позволит более адекватно понять его философское послание.

Гегелевская философия несомненно принадлежит к числу наиболее сложных мыслительных феноменов. Именно поэтому к Гегелю всегда относились неоднозначно, хотя, как правило, верх брала взвешенная конструктивная оценка его философской системы. Однако в последние десятилетия, и особенно в нашей стране, все больше дает о себе знать синдром неприязни к Гегелю и его философии. Антипатия к Гегелю нередко настолько глубока, что порой стремятся просто разбить, перечеркнуть его окончательно. Гегеля критикуют за то, что он-де был замкнут в пространстве своих абстрактных мыслей и спекулятивных построений. Основываясь на образе социально-политической и социально-этической философии Гегеля, в построение которого внесли свою немалую лепту выдающиеся мыслители XX в. Э. Кассирер и К. Поппер, чьи критические идеи, уже давно переосмысленные философами Запада, только становятся достоянием отечественной философской общественности, Гегелю вменяют в вину то, что он-де стал теоретиком абсолютной власти и даже тоталитарного режима. Гегеля-метафизика упрекают в создании культа всеобщего, в абсолютизации всеобщего за счет подавления всего единичного, индивидуального, личного.

3

В этих условиях важно беспристрастно, объективно проанализировать гегелевскую философскую систему с тем, чтобы интенционально

локализовать то, чем собственно занимался Гегель, что представляло реальную основу и суть его философских поисков. Эта задача как никогда ранее остро стоит сегодня перед исследователями Гегеля.

Вопросы о смысле гегелевской феноменологии и логики, а также о том конкретном месте, которое они занимают в философской системе Гегеля, принадлежат к числу наиболее сложных и вместе с тем ключевых проблем гегелеведения. Ведь именно они служат основными смысловыми элементами гегелевской системы и несут в себе - хотя и каждая по-своему - то глубинное спекулятивно-диалектическое содержание, которое отличает гегелевскую философию от всех других, современных ей, философских учений и делает ее уникальным явлением в истории мирового духа. Вот почему уточнение проблематики феноменологии и логики у Гегеля, их смысла в системе, позволяет понять концептуальный замысел самой системы, ее спекулятивно-диалектический характер, и одновременно открыть новые, еще не выявленные оттенки гегелевской философии, полнее вычленив реальные философские проблемы, поставленные Гегелем. Названные причины и побуждают нас обратиться к конкретному анализу данной проблематики. Эта, на первый взгляд кажущаяся простой и тривиальной, задача в действительности весьма сложна и многообразна, и ее решение сопряжено с рядом реальных теоретических трудностей.

Феноменология и логика предстают в системе Гегеля прежде всего в качестве ее содержательных частей. При этом вопрос об определении конкретного места, которое занимают феноменология и логика каждая - в отдельности и в отношении друг к другу - в гегелевской системе, остается во многом не проясненным до конца или толкуется противоречиво. Основание для этого дал сам Гегель, который в поисках структурирования своей системы недостаточно ясно представил в ней место и отношение феноменологии и логики. У Гегеля можно найти как минимум три варианта структурирования философии. Первый, ранний вариант изложен в йенских набросках системы (1801-1806 гг.)¹, где философия разворачивается на основе логики, определяющей и вводящей в проблематику метафизики. Структура системы - с некоторыми модификациями в каждом из набросков - имеет здесь следующий вид: логика - метафизика - прикладные дисциплины (к ним относятся тут натурфилософия, философия духа и система нравственности).

¹ Имеются в виду гегелевские наброски по введению в философию: в логику и метафизику 1801/02 гг. (*Hegel G.W.F. Introductio in Philosophiam // Gesammelte Werke / Hrsg. M. Baum. Hamburg (im Druck). Bd. 5. Далее: Hegel. GW*) и в философию духа 1803/04 гг. (*Hegel G.W.F. Systementwurf // Ibid.*), а также его манускрипты "Система нравственности" (1802/03) (*Hegel G.W.F. System der Sittlichkeit // Ibid.*), "Система спекулятивной философии" (1803/04) (*Hegel G.W.F. Das System der spekulativen Philosophie // Ibid. / Hrsg. v. K. Düsing, H. Kimmerle. Hamburg, 1975. Bd. 6*). "Логика, метафизика,

натурфилософия" (1804/05) (*Hegel G.W.F. Logik, Metaphysik, Naturphilosophie // Ibid. / Hrsg. v. R.-P. Horstmann, J.H. Trede. Hamburg, 1971. Bd. 7*) и набросок реальной философии (1805/06) (*Hegel G.W.F. Naturphilosophie und Philosophie des Geistes // Ibid. / Unter Mitarbeit v. J.H. Trede, hrsg. v. R.-P. Horstmann. Hamburg. 1976. Bd. 8*).

4

Второй, соответствующий планируемому построению "Системы наук" и анонсируемый Гегелем в "Феноменологии духа" (1807)², утверждает развертывание философских дисциплин на основе феноменологии: феноменология - логика - науки о природе и духе, включающие в себя и все другие прикладные философские дисциплины (философию истории, права, религии, историю философии). И третий - вариант "Энциклопедии философских наук" (1817); здесь система представлена в виде последовательно развивающихся на основе логики трех частей: логика - философия природы - философия духа. В соответствии с изменением представления о структурировании философской системы менялось и место феноменологии и логики в системе Гегеля.

В ранних набросках системы Гегель формально не ведет речь о феноменологии, т.е. феноменология не присутствует в его системных построениях ни как часть, ни даже как подраздел системы. Иными словами, с точки зрения внешнего членения текста, - а здесь мы пока не касаемся существа дела и смылосозидающих или содержательных проблем феноменологического анализа, которые, забегая вперед, заметим, формируются и зарождаются именно в лоне йенских набросков системы, что еще предстоит показать, - так вот с чисто формальной стороны феноменологии в отличие от логики еще не найдено конкретного места в философской системе. Логика же - при всем ее отличии от поздней, спекулятивной науки логики, уже рассматривается Гегелем как основополагающая философская дисциплина, вводящая в собственно философскую проблематику и в науку метафизику. Конец Йенского периода (1807 г.) ознаменован изменением парадигмы системы и провозглашением в качестве таковой феноменологии духа, что требовало поставить ее (феноменологию) в отношении к логике и уже в нем определять место обеих философских дисциплин. В 1807-1816 гг.³ Гегель, объявляя логику "первым продолжением" "Феноменологии духа", устанавливает конкретное теоретико-генетическое отношение этих двух наук. Феноменология мыслится им в качестве определенной пропедевтической науки, непосредственно развертывающей чистое содержательное пространство логики⁴, неким введением в логику, которое как бы намечает ее пространство (пространство чистых сущностей) и определяет ее предмет (понятие как таковое).

² В аннотации к "Феноменологии духа", написанной самим Гегелем и опубликованной в июне 1807 г. в Бамбергской газете, Гегель анонсирует второй том, который "будет содержать систему логики как систему спекулятивной философии и две остальные части философии: науки о природе и духе" (*Hegel G.W.F. Phänomenologie dss Geistes/Hrsg. v.W. Bonsiepen, R. Heede // Ibid. Hamburg, 1980. Bd. 9. S. 447; см. также: Ibid. S. 471*).

³ А от постулированного в "Феноменологии духа" и в аннотации к ней понимания отношения феноменологии и логики в системе Гегель не отказывается и в "Науке логики" 1812-1816 гг. (в так называемой нюрнбергской Логике - 1-м издании "Науки логики"). См.: *Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. М., 1970. Т. 1. С. 79-80*.

⁴ См.: *Hegel. GW. Bd. 9. S, 447 ff.* Библиограф Гегеля К. Розенкранц указывает, что в летнем семестре 1806 г. Гегель читал лекции по логике только в связи с феноменологией: "он брал последнюю в качестве введения к первой и от понятия абсолютного знания непосредственно переходил к понятию бытия" (*Rosenkranz K. Georg Wilhelm Friedrich Hegels Leben. В., 1844. S. 214*).

5

"Энциклопедия философских наук" уже в своем первом издании (1817 г.) вносит существенные коррективы в такое толкование места и отношения феноменологии и логики в системе, и прежде всего с формальной стороны, с точки зрения ее внешнего членения. Под названием "Феноменология" здесь начинает скрываться (а особенно явно это будет развернуто Гегелем во втором и третьем изданиях "Энциклопедии философских наук" (1827 и 1830 гг.)) один из разделов философии субъективного духа, который должен был показать, как из целостности сознания рождается чистое мышление. В соответствии с внешним структурированием текста выходило, что феноменология в ее системно-научном виде - как целостное самостоятельное исследование (т.е. в той форме, как она представлена в йенской "Феноменологии духа") - утрачивала свое значение введения, а вместе с ним и определяющее центральное место в системе, парадигмой и введением в которую стала логика⁵.

Такую позицию разделяют большинство западных гегелеведов и практически все отечественные исследователи Гегеля⁶. При этом многие из них исходят из того, что более зрелый вариант структурирования системы как раз и оказывается единственно верным, совершенным и адекватным гегелевским воззрениям. Ранние варианты наделяются в этом случае лишь антикварной ценностью и рассматриваются только в качестве первоначальных вариантов на пути гегелевских поисков модели системы⁷.

⁵ Имеется в виду прежде всего появившееся в ноябре 1831 г. примечание к Предисловию к первому изданию "Науки логики". Здесь Гегель разъясняет, что в своем втором издании (так и не увидевшем свет) "Феноменология" не может больше обозначаться как первая часть "Системы наук": "Это название не будет больше прибавляться во 2-м издании, которое появится в ближайшую пасху. Вместо сформулированного далее (в "Феноменологии". - М.Б.) намерения публикации второй части, которая должна была содержать все другие философские науки, я выпустил впоследствии Энциклопедию философских наук, вышедшую в прошлом году 3-м изданием" (*Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1.С. 79, примеч. Перевод уточнен по: Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik. Erster Teil. Erster Band. Die Lehre vom Sein (1832) / Hrsg. v. F. Hogemann, W. Jaeschke // GW. Hamburg, 1985. Bd. 21. S. 9. Fußnote).*

⁶ Наиболее явно данная позиция представлена в работах немецких исследователей М. Баума, М. Вольфа, Р.-П. Хорстманна, В. Хесле, голландского философа А. Пеперчака и др. (См., например: *Baum M. Wahrheit bei Kant und Hegel // Kant oder Hegel? Über Formen der Begründung in der Philosophie / Hrsg. D. Henrich. Stuttgart, 1983. S. 230-249; Horstmann R.-P. Hegels vorphanomenologische Entwürfe zu einer Philosophie der Subjektivität in Beziehung auf die Kritik an den Prinzipien der Reflexionsphilosophie. Diss. Heidelberg, 1968; Peperzak A. Selbsterkenntnis des Absoluten. Grundlinien der Hegeischen Philosophie des Geistes. Stuttgart; Bad; Canstatt, 1987; Hosle V. Hegels System. Der Idealismus der Subjektivität und das Problem der Intersubjektivität: 2 Bde. Hamburg, 1988. (особенно Bd. 1. S. 55 ff).*

⁷ Такое понимание, к сожалению, очень распространено в отечественной литературе о Гегеле. Его основы были заложены в фундаментальных трудах И.А. Ильина, В.С. Чернышева, В.Ф. Асмуса и развиты уже в 70-х - начале 80-х годов в работах М.Ф. Овсянникова, М.М. Розенталя, Е.П. Ситковского, В.И. Шинкарука, И.С. Нарского и др. В западной литературе такой подход господствовал в 60—70-е годы. Однако начавшийся в 70-х годах гегелевский ренессанс, связанный с изданием новых гегелевских текстов и материалов, а также с установлением аутентичности ранее изданных гегелевских работ, способствовал пересмотру интерпретации самой модели гегелевского философского развития. Точка зрения целостности стала господствующей при анализе теоретического развития самого Гегеля и модели его системы. И вопрос о гегелевском структурировании системы переместился в плоскость вопроса об исходных установках и реальных механизмах гегелевской философии.

6

В результате кажущиеся подобными проекты структурирования, заданные в зрелой системе и в ее ранних "прообразах", порою просто отождествляются

(во всяком случае в отношении логики и ее основополагающего места в системе) или же процесс развития логики толкуется как прямолинейное, непосредственное движение от ее первых йенских набросков к "Науке логики". Последовательное проведение установки на "антикваризацию" йенских системных и логических проектов приводит к тому, что "Феноменология духа" вообще оказывается за пределами философской системы, а ее проблематика вне интересов зрелого Гегеля. Ссылаясь на самого Гегеля и его записи относительно планов переработки "Феноменологии", где он называет ее "своеобразной ранней работой"* (о содержании замысла Гегеля относительно переработки "Феноменологии" речь пойдет ниже), авторы, занимающие такую позицию, реально лишают феноменологию духа определенного места в философской системе зрелого Гегеля. Они истолковывают ее (в варианте 1807 г.) как некий рабочий материал, который в силу своей незрелости не мог быть использован в готовом виде в зрелой системе, и объявляют энциклопедическую феноменологию совершенно новым, не совпадающим по содержанию с "Феноменологией духа" подразделом. К тому же не ставшим самостоятельной частью системы.

Но так ли верно это распространенное в гегелеведческой литературе толкование роли и места феноменологии в зрелой системе Гегеля? Означало ли введение феноменологического анализа во внутрь системы коренное изменение гегелевского понимания феноменологии духа, ее места и значения? Насколько адекватно такое толкование структурносистемной переориентации Гегеля, отразившейся в "Энциклопедии философских наук", согласно которому Гегель будто бы счел ненужным предварять логическое исследование феноменологическим анализом, рассматривая его только как рабочий материал? Да и столь ли неизменным осталось место логики в зрелой системе Гегеля по сравнению с ее ранними набросками? Что же в действительности означает формальное — с точки зрения внешнего, выступающего на поверхности, членения системы - изменение места феноменологии в философии Гегеля и как это изменение коррелирует с изменением места и роли логики в системе?

Ответы на эти вопросы, имеющие важнейшее значение для адекватного толкования гегелевской философской системы и выяснения ее реального проблемного замысла, связаны с уточнением места феноменологии и логики в философии Гегеля, с прояснением характера отношения между ними как частями философской системы, которые каждая по-своему - специфическим образом задают и осуществляют идею целого.

⁸ *Hegel G.W.F. Phänomenologie des Geistes//GW. Bd. 9. S. 448.*

Но феноменология и логика не исчерпывают своего значения в системе Гегеля только тем, что служат ее структурными элементами или частями и тем самым определяют последовательность развертывания целостной системы. Они выступают в философии Гегеля в качестве особых, наделенных конкретным содержанием и развивающихся по специфическим законам и правилам измерений или срезов гегелевского анализа действительности. Поэтому вопрос о месте феноменологии и логики в системе Гегеля непосредственно связан с вопросом о смысле, которым наделяет Гегель эти учения в своей системе, о той смысловой нагрузке, которую они несут в себе, функционируя и как части системы, и как ее специфические измерения.

Среди исследователей Гегеля наиболее распространена позиция, согласно которой вопрос о смысле разделов гегелевской философии должен рассматриваться и решаться в контексте реализации Гегелем своего системного замысла. При этом развитие каждого из разделов, частей системы анализируется с точки зрения интересов целого, где в качестве целого выступает внутренняя логика развития самой системы. Такой подход сам по себе не только не лишен смысла, но есть необходимый элемент всякого анализа гегелевской философии: именно его мы и применили в своем исследовании. Ибо принцип системности служит внутренней доминантой гегелевского учения: философия развертывается у Гегеля в соответствии с изначально выработанным системно-спекулятивным замыслом, определяющим, направляющим (в смысле задания вектора движения) и пронизывающим весь процесс этого развертывания. Поэтому смысл и содержание каждого из разделов системы с необходимостью коррелируются у Гегеля с самой идеей системности, с внутренне заложенной, имманентной системе целью ее развертывания.

Однако если ограничить анализ смысла и содержания конкретных разделов системы, да и самой системы в целом, лишь системным движением, т.е. рассмотрением вопроса о смысле элементов и частей философии Гегеля *только с* точки зрения степени реализации в них системного замысла, то неизбежно сам смысл разделов и их содержание не будут исследоваться конкретно или станут толковаться весьма поверхностно и односторонне. При попытке раскрыть смысл логики и феноменологии такой подход означает, с одной стороны, исследование логики исключительно только с точки зрения ее парадигмальности по отношению ко всей философской системе в целом и в этой связи анализ ее содержания только под углом зрения выработки в ней основополагающих принципов и законов развертывания самой системы. С другой стороны, ограничение роли феноменологии лишь той, хотя и важной, но "партикулярной", функцией, которую она выполняет в процессе формирования субъекта, и потому ограничение ее действия только сферой субъективного духа, а также отказ в сколь-нибудь существенном значении с точки зрения зрелой системы гегелевской философии.

Наконец, если и возможно исследование смысла и содержания логики и феноменологии, то только в аспекте их *системного* измерения, т.е. прояснения того смысла и содержания, которые в большей степени связаны с определением их формального места в системе Гегеля. Глубинный же конкретно-специфический реальный смысл, различающий логику и феноменологию друг от друга и отличающий их от всех других срезов философского анализа, остается при таком подходе нераскрытым. Неясными оказываются и сам гегелевский *замысел* относительно феноменологического и логического, та *цель*, которую преследовал Гегель, вводя в свой анализ эти конкретные измерения, та теоретическая *идея* или *идеи*, которые заложены в основу развертывания феноменологии и логики и вместе с ними - всей системы в целом.

Порождаемый этими нерешенными проблемами комплекс задач, определяющих содержание нашего исследования в аспекте раскрытия реального смысла феноменологии и логики у Гегеля, не может быть, однако, разрешен без обращения к тому историко-философскому теоретическому контексту, в котором разрабатывалась гегелевская философская система. Это верно также и для осмысления вопроса о месте логики и феноменологии в системе Гегеля.

По нашему глубокому убеждению, адекватный ответ на вопрос о смысле гегелевской системы в целом, а также о месте и смысле ее структурных частей и измерений вообще не может быть найден без учета особенностей развития немецкого идеализма, его достижений и просчетов, решаемых здесь задач, формулируемых проблем и трудностей. Конечно, важно всякий раз конкретно, детально анализировать историко-теоретические связи, - с тем, чтобы выявить предметные основания, которые фундируют, определяют тот или иной поворот гегелевской мысли, его содержательные поиски. Необходимость такого анализа во всей его полноте была последовательно осмыслена в мировом гегелеведении; его осуществление стало характерной чертой отечественных работ о Гегеле последних десятилетий⁹. Однако интерпретация гегелевской философии в контексте немецкого идеализма предполагает также рассмотрение системы Гегеля в целом и ее основных частей и измерений с точки зрения общетеоретических проблем эпохи, т.е. тех вопросов и тем, которые были сквозными, всеобщими для всей немецкой классики и существенным образом определяли ее основную проблематику. Речь, стало быть, идет об особом повороте анализа, при котором ставится задача систематической интерпретации гегелевской философии на основе осмысления и исследования всеобщих для немецкого идеализма связей, теоретически фундирующих гегелевские поиски.

⁹ Наиболее ярко данная тенденция отразилась в исследованиях отечественных философов. См.: *Мотрошилова Н.В.* Путь Гегеля к "Науке логики": Формирование принципов системности и историзма. М., 1984; *Она же.* Социально-исторические корни немецкой классической философии. М., 1990 (особенно с. 3-11, 110-125); *Каримский А.М.* Философия истории Гегеля. М., 1988; *Кричевский А.В.* Концепция абсолютного духа в философии Гегеля: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1992, а также написанные им разделы в совместной книге: *Быкова М.Ф., Кричевский А.В.* Абсолютная идея и абсолютный дух в философии Гегеля. М., 1993.

9

Но для решения задачи систематической интерпретации нельзя ограничиваться только этим. Одновременно необходимо объективно критически оценивать содержание важнейших теоретических идей эпохи с точки зрения их вклада в развитие всеобщей проблематики немецкого идеализма, а также место Гегеля в ее разработке: как цели и задачи, которые Гегель, специфическим образом разворачивая свою систему, явно (декларируя их) или неявно преследует, так и их реализацию.

Анализ такого рода¹⁰ - одна из важнейших задач и одновременно методологическое средство нашего исследования. Автор попытался выработать новый взгляд на феноменологию и логику Гегеля на основе систематически-критической интерпретации его философии в контексте истории немецкого идеализма.

Смысловым контекстом, который определял проблемное содержание и в русле которого формировалась концепция гегелевской философии, стала идеалистическая теория субъективности. Суть последней есть программа систематической истории самосознания, которая для раннего Фихте представлялась как существенная часть, а для молодого Шеллинга - весь в целом трансцендентальный идеализм. Эта программа выступает для Гегеля, с одной стороны, в качестве исходной идеи его собственной концепции, но с другой - как неудовлетворяющий его результат, который должен быть теоретически преодолен, что настойчиво диктовало необходимость новых философских поисков. Собственные искания Гегеля, его попытки реализации идеалистической программы истории самосознания выразились в создании им особой теории субъективности.

Далее мы будем стремиться реконструировать содержание целостной концепции субъективности, как она представлена у Гегеля, изложить его теорию субъективности во всем многообразии ее значений. Действительно, здесь идет речь не об узком понятии субъективности или хаотично намеченном, пунктирно "набросанном" ее образе, а о целостном понимании систематически выраженной теории субъективности. Теории, которая играет

важнейшую, центральную роль в философии Гегеля. Ибо в ней по существу сплетены воедино основные принципы, характеризующие философию Гегеля в целом; она служит тем проблемным фокусом, в котором в значительной степени сконцентрированы содержание и специфика гегелевской философской системы. Речь идет о таком понимании субъективности, которое, будучи сформулировано как принцип логики, затем - через свое саморазвитие - наполняется действительным содержанием и разворачивает себя в качестве фундаментального основания и содержательного центра философской системы и мира.

¹⁰ В западной гегелеведческой литературе шаги в этом направлении были сделаны в фундаментальных исследованиях немецких философов К. Дюзинга и В. Хесле. См.: *Dusing K. Das Problem der Subjektivität in Hegels Logik. Systematische und entwicklungsgeschichtliche Untersuchungen zum Prinzip des Idealismus und zur Dialektik.* Bonn, 1976, 1984; *Hesle V. Hegels System. Der Idealismus der Subjektivität und das Problem der Intersubjektivität: 2 Bde.* Hamburg, 1988.

10

Это становится возможным благодаря многоаспектности, множеству различных смысловых оттенков, содержательных и функциональных значений гегелевского понятия субъективности. Учет многоаспектности понятия "субъективность" дает возможность по-новому увидеть смысл и содержание гегелевской системы в целом, а также ее отдельных разделов и измерений.

В нашем исследовании наличествуют сразу два проблемных центра, или тематических измерения: в орбиту конкретного анализа попадает не только собственная проблематика феноменологии и логики Гегеля, но и сама гегелевская теория субъективности, в контексте которой мы попытались эксплицировать содержание феноменологии и логики, а вместе с ними и гегелевского философского учения в целом, прояснить его проблемный замысел и раскрыть реальный глубинный смысл, определяющий структурирование самой гегелевской системы.

Поэтому в работе ставится сразу несколько исследовательских задач. *Первая* связана с раскрытием тайны субъективности у Гегеля и требует анализа гегелевской постановки и решения проблемы субъективности с точки зрения различных, но взаимосвязанных аспектов данной проблематики с тем, чтобы в конечном итоге реконструировать гегелевскую теорию субъективности, вскрыв ее реальное содержание. При этом, поскольку исследование осуществляется в историко-философской форме, и к тому же в русле систематическикритической интерпретации, непосредственное рассмотрение концептуальной позиции Гегеля предваряется анализом условий,

теоретических предпосылок и мотивов развития концепции субъективности в философии Гегеля. Историческое измерение, таким образом, постоянно присутствует в анализе; исследование ведется одновременно как с точки зрения истории проблем и идей, так и в аспекте их решения и реализации в гегелевской систематике. *Вторая* задача носит системно-исторический характер. Попытка ее решения предполагает конкретно проанализировать историю развития гегелевской системы и ее структурных преобразований и на этом основании вскрыть характер и суть изменения места феноменологии и логики в зрелой системе Гегеля, а также корреляции данного изменения как с системным, так и с общетеоретическим замыслом философии Гегеля. Речь, стало быть, идет о том, чтобы постичь реальное содержание гегелевских, кажущихся порой мистириозными, преобразований системы, чтобы понять проблемный смысл его логицизма. Отсюда - *третья* исследовательская задача работы, для решения которой необходимо прояснить конкретное содержание философской системы Гегеля, в том числе уточнить проблематику его феноменологии и логики, показать их реальный смысл в гегелевской философской системе. При этом феноменология и логика рассматриваются в русле единого процесса формирования гегелевской философии, взятого в аспекте реализации основных программ немецкого идеализма, и прежде всего программы идеалистической истории самосознания.

11

Реализации, результатом которой стало создание масштабной теории субъективности, пронизывающей и охватывающей собой всю философскую систему Гегеля. Такой подход создает возможность и необходимость представить феноменологию и логику как особые измерения теории субъективности, которая выражает собой проблемное содержание и реальный смысл гегелевской философии.

Таковы основные задачи, которые ставятся и, хотелось бы надеяться, хотя бы отчасти решаются в книге. В ней нет претензий как на то, чтобы раз и навсегда дать ответ на вопрос о замысле философской системы Гегеля, так и на исчерпывающее изложение гегелевской теории субъективности. Скорее, она может и должна рассматриваться как некоторая проблемная рекогносцировка, как попытка в определенных аспектах по-новому (в системе координат теории субъективности) осмыслить проблемную целостность гегелевской системы.

Обращаясь к столь нелюбимой многими гегелевской философии и избирая ее в качестве предмета своего, уже не первого, исследования, мы далеки от мысли абсолютизировать или преувеличивать заслуги Гегеля. Напротив, мы стремимся к объективному исследованию выдвинутой Гегелем философской теории, к непредвзятому анализу сформулированных им идей и

предложенных решений. Исследованию, которое подразумевает не апологетику Гегеля, а оценку его теории по большому критическому счету. При этом хотелось бы избежать все еще бытующего в научной среде огульно-уничижительного охаивания гегелевских идей и концепций, эдакого вульгарно-марксистского критического усердия по отношению к идеалисту Гегелю. Мы отнюдь не скрываем своих симпатий к философии Гегеля и будем стремиться обосновать их, опираясь на богатое содержание его учения. Сказанное, разумеется, не означает, что мы полностью согласны с Гегелем, безусловно принимаем все полученные им теоретические результаты. Надеемся, что это станет более явным из нашего анализа важнейших тем гегелевской философии.

В основу исследования положен текст защищенной в мае 1993 г. диссертации на соискание степени доктора философских наук. Научно-исследовательская работа автора сначала в Германии в качестве стипендиата Фонда А. Гумбольдта (Alexander von Humboldt - Stiftung), а затем в Австрии по стипендии Лизы Майтнер, учрежденной Австрийским Фондом поддержки научных исследований (Fond zur Förderung der wissenschaftlichen Forschung), во многом помогла ему прийти к тем идеям, которые изложены в монографии. Автор благодарен обоим Фондам за возможность провести научные исследования в авторитетных западных университетах совместно с учеными, составляющими славу мирового гегелеведения.

Хотелось бы надеяться, что книга найдет внимательного и заинтересованного читателя, какими стали первые читатели и критики рукописи - коллеги из сектора истории западной философии Института философии РАН, а также ее рецензенты. Автор чрезвычайно признателен им за их конструктивную критику и глубокопрофессиональные замечания.

12

Рядом интересных научных ассоциаций и идей, глубоким проникновением в суть проблематики автор обязан также западным коллегам, специалистам в области немецкой классической философии. Советы и замечания К. Дюзинга, Х.-Д. Кляйна, Б. Тушлинга, Х.-Ф. Фулды, Р.-П. Хорстманна, В. Хёсле и др., высказанные ими при обсуждении основных теоретических положений научных исследований автора, помогли в работе над рукописью. Им и всем тем, кто оказывал помощь при написании и публикации книги", автор выражает искреннюю благодарность и признательность.

" Сама публикация стала возможной благодаря полученному от Российского Фонда гуманитарных исследований гранту на издание книги.

13